

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И ГРАЖДАНСКІЙ ЗАКОНЪ.

Совершенная свобода состоитъ въ томъ, чтобы вовсе ни въ чемъ не нуждаться, а слѣдующая за нею—нуждаться въ немногомъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

Вопросъ о свободѣ человѣка далеко не исчерпывается раскрытіемъ христіанскаго ученія объ отношеніи къ Богу человѣка, какъ свободной личности. Каждый человѣкъ находится еще въ постоянномъ общеніи съ другими людьми, такими же разумно-свободными существами, какъ и самъ онъ, а потому является чрезвычайной важности вопросъ объ отношеніи свободы каждаго отдѣльнаго индивидуума къ свободѣ другихъ личностей.

За рѣшеніемъ интересующаго насъ вопроса обращаемся къ Божественнымъ Писаніямъ и здѣсь, на первыхъ страницахъ кн. Бытія, отмѣчаемъ весьма важный для насъ фактъ: въ то время какъ Богъ, давши первымъ людямъ извѣстную заповѣдь, тѣмъ самымъ опредѣлилъ характеръ отношеній свободной воли разумнаго существа къ волѣ существа всесовершеннаго, Онъ не далъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, которыми могли бы люди руководствоваться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, кромѣ благословенія „раститься, множиться и наполнять землю“. Правда, въ то блаженное время существовало только двое и отношенія другъ къ другу прародителей нашихъ не могли быть особенно сложны; но едвали въ этомъ нужно искать причины отмѣченнаго факта. Единственное объясненіе его, думается намъ, будетъ то, что первые люди сами знали, или по крайней мѣрѣ чувствовали, свои взаимныя обязанности: и единство природы, и единство происхожденія, и единство назначенія го-

всрили прародителямъ нашимъ, что они *едино* между собою, что каждый изъ нихъ долженъ относиться къ другому также доброжелательно, какъ и къ самому себѣ. Никакихъ столкновений не могло произойти между ними до тѣхъ поръ, пока они рука объ руку шли по жизненному пути, считая для себя единымъ путеводителемъ волю Божию. Прекрасно рисуетъ картину блаженной жизни, возможной для первыхъ людей и ихъ потомковъ, блаженный Августинъ. „Существовала, говоритъ онъ, любовь безмятежная къ Богу и любовь взаимная супруговъ, жившихъ въ вѣрномъ и искреннемъ сообществѣ, а вслѣдствіе этой любви великая радость: такъ какъ предметъ любви не переставалъ бытъ предметомъ наслажденія... Счастіе это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока пополнилось бы чрезъ извѣстное благословеніе число предопредѣленныхъ святыхъ. Тогда было бы дано уже другое высшее счастье, которое дано блаженнѣйшимъ ангеламъ“. (Огр. Бож. XIV, 10).—Но люди не захотѣли идти къ высшему блаженству прямымъ путемъ, подѣ мудрымъ и благостнымъ водительство Божіимъ, и ихъ блаженный и радостный путь обратился въ многотысячелѣтнее странствованіе въ юдоли труда, скорби, страданій и смерти, исполненное озлобленій, лукавства, ненависти, вражды, кровопролитія и иныхъ золъ. Самоутвержденіе чловѣка, проявившееся въ преслушаніи райской заповѣди, сказалося во взаимныхъ отношеніяхъ первыхъ людей какъ грѣховное себялюбіе, раздѣлившее первыхъ людей и ихъ интересы, побуждавшее каждого заботиться *только о себѣ самомъ и своему я подчинять другого, игнорируя его право на самостоятельное и независимое отъ него существованіе*. Впервые явилось насиліе и стѣсненіе свободы одной личности злою волею другой, сильнѣйшей.—Грѣховное себялюбіе, внесшее раздѣленіе въ первоначальное единство, проявилось тотчасъ же посля паденія. Призванный къ отвѣту явившимся въ раю Богомъ, прародитель нашъ, думая избѣгнуть за свой грѣхъ Его праведнаго наказанія, всю вину свою слагаетъ на свою жену и помощницу Еву, а косвенно и на самого Бога: „жена, сказалъ онъ, которую Ты мнѣ создалъ, та мнѣ дала (отъ древа) и я ѣлъ“... Жена, по тѣмъ же эгоистическимъ соображеніямъ, слагаетъ свою вину на искушителя: „змій прельстилъ меня и

я ѣла".—Праведный Судія предрекаетъ падшимъ людямъ неизбѣжныя послѣдствія ихъ раздѣленія: порабощеніе слабого сильнымъ, ближайшимъ образомъ женщины мужчиною: „И къ мужу твоему, сказалъ Онъ женѣ, обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ“. И дѣйствительно, вся исторія человѣчества представляетъ собою осуществленіе этого Божественнаго опредѣленія. Въ семействѣ Адамовомъ эгоистическая настроенность личности проявляется уже рѣзко и рѣшительно: Каинъ убиваетъ своего брата и этимъ самымъ ясно показываетъ, сколь мало стѣбитъ въ глазахъ его и сколь далекъ отъ личныхъ интересовъ его даже единокровный его братъ,—убиваетъ Авеля за то только, что принесенная имъ жертва оказалась угоднѣе Богу его собственной. Если недостойное поведеніе прародителей нашихъ находить для себя нѣкоторое оправданіе въ естественномъ чувствѣ страха, который должны были испытывать они послѣ своего паденія, то братоубійство Каина не имѣетъ для себя и этого оправданія... Насиліе сильнаго надъ слабымъ и неуваженіе къ правамъ личности все въ большей и большей степени обнаруживается среди развращеннаго потомства Адамова. Утративши истинный смыслъ своего земного существованія, грѣшный человѣкъ оказался въ состояніи понимать и цѣнить только грубо чувственныя удовольствія и только съ точки зрѣнія своей личной пользы и удовольствія сталъ оцѣнивать всякую другую личность. Отсюда неизбежно должны были появиться порабощеніе слабыхъ, но могущихъ быть полезными, сильными; устраненіе съ жизненнаго пути нежелательныхъ и вредныхъ, грубо-чувственное отношеніе къ женщинѣ, зависть, вражда, междоусобныя брани и т. д. При такомъ взаимномъ отношеніи одной личности къ другой и отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ между собою родъ человѣческій неуклонно устремлялся не только къ духовной своей гибели, но и къ полному самоистребленію. *Необходимо было оградить неприкосновенность личности* и позаботиться объ этомъ долженъ былъ прежде всѣхъ Тотъ, Кто всѣхъ призвалъ къ бытію, въ праведныхъ очахъ Котораго каждая разумно-свободная личность имѣетъ одинаковую цѣнность. И мы видимъ, что ограждающая человѣческую личность десница Божія

не замедлила проявиться. Осудивши братоубійство Каина, Богъ силою Своего авторитета осуждаетъ всякое убійство, даже совершаемое изъ чувства мести, и тѣмъ самымъ ограждаетъ право на существованіе даже въ преступникѣ. Когда Каинъ высказалъ опасеніе, что всякій встрѣчный можетъ убить его, Богъ успокоилъ его: „не тако: всякъ, убивый Каина, седмижды отмститъ“. (Б. IV, 14. 15).

Неприкосновенность человѣческой жизни въ послѣпотопномъ мірѣ подтверждается снова и на этотъ разъ уже положительнымъ закономъ: „проливай кровь человѣчу, въ ея мѣсто его проліетъ: яко во образъ Божій сотворихъ человѣка“. (Быт. IX, 6). Образъ Божій, лежащій въ природѣ даже самаго тяжкаго преступника, даетъ ему такія права, которыя можетъ отнять отъ него только Самъ Богъ, или тотъ, кому это дано будетъ отъ Бога. Въ заповѣдяхъ десятословія ограждается отъ произвола сильнаго не только человѣческая жизнь, но и собственность каждаго, и доброе имя. Охранителями закона Божія являются въ богоизбранномъ народѣ лица, нарочито для того поставленныя (Моисей, І. Навинъ, судьи, Цари), которымъ сообщается верховное Божеское право судить и наказывать преступниковъ. Раскрывая необходимость выполненія всѣхъ предписаній закона, Господь указываетъ на тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыми должно сопровождаться какъ исполненіе его, такъ и преслушаніе: „Аще въ повелѣніяхъ Моихъ ходите, и заповѣди Моя сохраните, и сотворите я, ... и дамъ миръ въ земли вашей, и уснете и не будетъ утрашай васъ... и рать сквозѣ землю вашу не пройдетъ, и поженете враги ваша, и падутъ предъ вами убіеніемъ... Аще же не слушаете Мене, ниже сотворите повелѣній моихъ сихъ... и утвержу лице Мое на васъ, и падете предъ враги вашими, и поженутъ вы ненавидящіи васъ, и побѣгнете никому-же гонящему васъ“. (Левит. XXVI, 3. 6—7, 14. 17).

Указанныя послѣдствія настолько естественны, что могли быть очевидными и для вебогпросвѣщеннаго разума; поэтому уже въ самой глубокой древности отдельные индивидуумы образуютъ изъ себя союзы и живутъ болѣе или менѣе благоустроенною общественною и государственною жизнью, устано-

вляють общеобязательные законы, поставляютъ властей для наблюденія за исполненіемъ этихъ законовъ и, такимъ образомъ, добровольно ограничивая свою свободу, приобрѣтають возможность спокойно и не опасаясь внѣшнихъ насилій пользоваться своею свободою въ предѣлахъ законности. Между отдѣльными индивидуумами, носителями личной свободы, и государствомъ, съ правомѣрно дѣйствующими въ немъ законами, устанавливается самая естественная и тѣсная связь. Благоустроенное государство ограждаетъ неприкосновенность личности, имущества и добраго имени, защищаетъ cadaго въ отдѣльности и всѣхъ вообще не только отъ внутреннихъ враговъ, но и внѣшнихъ,—даетъ возможность индивидууму пользоваться цивилизаціей и культурой своего государства для благоустроенія своей частной жизни... Каждый гражданинъ, въ свою очередь, своими трудами на общую пользу даетъ возможность государству правильно функціонировать: признавая надъ собою законы и власть государственные и тѣмъ самымъ поставляя свою личную свободу въ опредѣленные границы, одинъ вноситъ въ государственную казну денежные налоги, другой посвящаетъ свою жизнь на защиту отечества, третій служитъ въ должности государственнаго чиновника, профессора, врача и т. под. Сфера чисто нравственной жизни, поскольку свобода одной личности не стѣсняетъ свободы другой, находится внѣ всякой зависимости отъ гражданскихъ законовъ: характеръ отношеній челоѣка къ Богу, его частная жизнь, даже нравственная сторона въ отношеніяхъ личности къ требованіямъ самихъ законовъ (охотное или неохотное подчиненіе имъ)—дѣло совѣсти cadaго и не подлежитъ никакому суду гражданской власти. Естественно отсюда, что законы гражданскіе, хотя и ограничиваютъ свободу личности, однако должны быть признаны великимъ благомъ для челоѣка, живущаго жизнью общественною. Они стѣсняютъ свободу только эгоистически настроенной личности, оставляя и ей, однакоже, достаточно простора для нравственнаго самоопредѣленія, для того, чтобы осуществлять свое назначеніе въ мірѣ. Для того, чтобы и такой челоѣкъ могъ оказаться (сознать себя) внѣ зависимости отъ закона, онъ долженъ освободиться предварительно отъ грѣ-

ховнаго себялюбія и пожелать другимъ людямъ, интересы и права которыхъ охраняются закономъ, того же самаго, чего желаетъ и самому себѣ.

Воплотившійся Сынъ Божій Іисусъ Христосъ проявилъ во всей своей жизни и дѣятельности безпримѣрное самоотверженіе и высочайшую любовь къ людямъ, потому то Онъ и былъ выше не только всѣхъ человѣческихъ законовъ, но и закона Божія, нравственнаго, чуждъ былъ какой бы то ни было зависимости отъ закона. Такой же самоотверженной любви требовалъ Христосъ и отъ Своихъ послѣдователей: „Иже хочетъ по Мнѣ ити, говорилъ Онъ, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ“. (Мрк. VIII, 34): „возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе“. (Мѣ. XII, 39); „больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Іоан. XV, 13). Въ объясненіе Своего требованія Спаситель указалъ забытую всѣми истину, что всѣ люди—дѣти одного Отца Небеснаго, имѣютъ одинаковую природу, одно назначеніе... А святой Апостолъ, раскрывая ученіе Христово, писалъ Галатамъ: „Нѣсть Іудей, ни Еллинъ: нѣсть рабъ, ни свободъ: нѣсть мужескій полъ, ни женскій: „вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ“ (III, 28, ср. Рим. X, 12; Іоан. XVII, 21).

Но то, что было сдѣлано вдругъ, однимъ актомъ грѣхопаденія, не можетъ быть также скоро и уничтожено: Царствіе Божіе, которое есть „правда и миръ, и радость о Дусѣ Святѣ“, не можетъ вдругъ упразднить и замѣнить собою царства человѣческаго съ его правдою и законами; какъ ни велико различіе между принципомъ государственной жизни—правомъ, (узаконяющимъ суды и наказанія, оправдывающимъ клятвы и войны), и христіанской нравственности—любовію (которая все прощаетъ, не ищетъ своего себѣ, не нуждается въ клятвѣ и отрицаетъ войну), и право и любовь вынуждены уживаться совмѣстно. Іисусъ Христосъ въ Своемъ божественномъ ученіи только посѣялъ сѣмена новой, святой жизни; пока изъ сѣмянъ этихъ образуется зрѣлый колосъ и наступитъ время жатвы, пройдетъ не мало времени, и виновна въ этомъ не воля Божія, а грѣховно настроенная воля человѣческая, задерживающая наступленіе Небеснаго Царствія. До тѣхъ поръ, пока не бу-

дуть раздѣлены праведники и грѣшники пропастію великою и непроходимою (а это будетъ только на страшномъ судѣ Христовомъ), Царствіе Божіе не упразднитъ собою царства человѣческаго и не замѣнитъ его...—Ни Самъ Іисусъ Христосъ, ни святые Его послѣдователи не отрицали, во имя высшихъ идеаловъ, государственной жизни съ ея функціями. „Кесарево—кесареви, а Божіе—Богови“, вотъ что заповѣдалъ намъ нашъ Божественный Учитель; „всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется“ научаетъ насъ и св. Апостолъ; а первенствующіе христіане всею жизнію своею засвидѣтельствовали такое именно отношеніе къ закону и гражданской власти, какого требуетъ Апостолъ. Будучи духовны и совершенны въ своей личной жизни и въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ, они далеко превосходили жизнію требованія государственнаго права и потому всѣхъ менѣе нуждались въ его указаніяхъ; будучи гонимы и преслѣдуемы гражданской властію, они менѣе другихъ пользовались тѣми благами, которыя обезпечиваетъ гражданамъ порядокъ общественной жизни, и однакоже, не смотря на все это, были лучшими и надежнѣйшими подданными своихъ законныхъ государей, даже по свидѣтельству самихъ язычниковъ. Чѣмъ можно объяснить это, какъ не признаніемъ ими того безспорнаго факта, что законы и власть гражданскіе необходимы въ нашемъ грѣховномъ мірѣ,—что даже злоупотребленія властію и ошибочныя ея приложенія къ жизни менѣе вредны для человѣческихъ обществъ, чѣмъ государственное разложеніе и анархія?! Христіанство не отрицало и не отрицаетъ государства и не мечтаетъ объ упраздненіи различныхъ формъ жизни общественной и различныхъ ея отправленій; задача его по отношенію къ государству та же, что и по отношенію къ каждой отдѣльной личности: оно должно постепенно преобразовать государство, одухотворяя его завѣщанною Христомъ любовію. Не отрицая необходимости суда въ жизни общественной, христіанство научаетъ видѣть въ подсудимомъ не только преступника, но прежде всего человѣка, и судить его не по правдѣ только, но и по милости, не отрицая необходимости наказаній; оно указываетъ, что цѣлю наказанія должна быть не месть,

не воздаяніе только преступнику заслуженнаго имъ, но и нравственное исправленіе его; признавая, что война есть неизбежное зло въ грѣшномъ человѣчествѣ, христіанство заповѣдуетъ христіанину и здѣсь, въ мѣру возможности, проявлять свою любовь и кротость: не быть кровожаднымъ и жестокимъ, давать пощаду побѣжденнымъ, не унижать ихъ человѣческаго достоинства и т. под.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы можемъ установить слѣдующія положенія: 1) Правовыя отношенія между людьми установлены въ грѣховномъ мірѣ Самимъ Богомъ послѣ того, когда въ основѣ личныхъ отношеній отдѣльныхъ индивидуумовъ легъ эгоизмъ; 2) законы гражданскіе, основанные на правѣ и имѣющіе своею цѣлю охранять его, а равно и власти, необходимы тамъ, гдѣ есть законъ, для проведенія существующихъ законоположеній въ жизнь народную, исполнѣ согласны съ волею Божіею; 3) законы гражданскіе не подавляютъ свободы отдѣльныхъ личностей, но, въ видахъ общей пользы, регулируютъ взаимныя отношенія отдѣльныхъ индивидуумовъ: ограничиваютъ произволъ однихъ и освобождаютъ отъ насилія другихъ, предоставляя тѣмъ и другимъ возможность проявлять въ жизни своей свободу въ границахъ законности; 4) государство съ его принудительными законами не есть явленіе изначальное и не носитъ въ самомъ себѣ своей цѣли: оно, естественно, должно будетъ кончить свое существованіе, когда уничтожатся тѣ причины, которыя вызвали его, и цѣль, для которой оно существуетъ, будетъ достигнута; 5) это произойдетъ только тогда, когда себялюбіе уступитъ мѣсто всеобъемлющей любви и раздѣленное грѣхомъ человечество сольется во едино, образовавши собою одинъ великій духовный организмъ, когда будетъ новое небо и новая земля и явится „святый городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа своего“ (Апок. XXI, 2).

II. Критиковъ.